

МОЙШЕ ЮХИЛЕСЪ.

Мойше Юхилесъ изъ Шклова былъ, вѣроятно, самымъ мирнымъ изъ всѣхъ, когда либо существовавшихъ на свѣтѣ сыновъ Израиля. Никогда онъ не могъ зарѣзать даже курицы и все-таки пришлось ему вмѣстѣ съ другими птти и воевать.

Но ремеслу Мойше былъ портной, и, если бы вы спросили въ Шкловѣ, какой портной былъ Мойше, вы бы узнали, что онъ былъ такой хорошей портной, что даже самъ господинъ пеправникъ заказывалъ ему мундиръ. И все-таки, когда Мойшу призвали изъ запаса, ему пришлось птти не въ полковую швальню, а въ самые настоящіе солдаты.

Мойше такъ боялся всякой ссры, что никогда не спорилъ и даже не противорѣчилъ своей супругѣ Саррочкѣ, хотя Саррочка вовсе не была образцомъ справедливости и правда рѣдко оказывалась на ея сторонѣ. И если все это было такъ, то вовсе не оттого, чтобы Мойше былъ трусомъ. Когда въ Шкловѣ случился большой пожаръ и выгорѣла половина города, то Мойше тогда не потерялъ присутствія духа. Ободря испуганныхъ соеѣдей, онъ бросался изъ одного горящаго дома въ другой, спасъ многимъ ихъ имущество, а изъ одного дома даже вынесъ изъ огня оставленнаго тамъ ребенка.

Полкъ, въ которомъ служилъ Мойше, прибылъ на австрійскую границу въ то время, когда тамъ уже начались ожесточенныя стычки съ неприятелемъ, и на третій же день Мойшѣ пришлось уже участвовать въ сраженіи.

Едва стало свѣтать, какъ ихъ подняли и повели куда то лѣсомъ, а затѣмъ велѣли окопаться и залечь на опушкѣ.

Скоро гдѣ-то палѣво грянулъ первый выстрѣлъ съ нашей батареи, а затѣмъ на него сейчасъ же отвѣтили австрійскія пушки и начался артиллерійскій бой.

Боже правый! Какъ было это неожиданно и какъ страшно! Ежесекундно, то слѣва, то справа гдѣ-то вверху рвались съ оглушительнымъ грохотомъ шрапнели и осыпали градомъ пуль ряды залегшихъ въ канавкѣ стрѣлковъ. Ежесекундно палѣво и направо то тамъ, то тутъ какой-нибудь солдатикъ вскидывалъ руками и падалъ пичкомъ или просто сваливался безжизненнымъ тѣломъ на дно канавы, но за грохотомъ рвущихся снарядовъ и ружейной пальбы не было слышно ни воплей раненыхъ, ни стопа умирающихъ.

Мойше былъ такъ озадаченъ и такъ пораженъ, что сразу точно утратилъ пониманіе происходившаго вокругъ, и только машинально стрѣлялъ какъ на ученьи въ сѣрыя фигурки австрийцевъ, которые быстро перебѣгали отъ одного куста къ другому и съ каждою минутою все приближались и приближались.

Вдругъ произошло что-то страшное. Оставшіеся въ живыхъ рядомъ съ Мойшею солдаты вскочили и бросились впередъ съ ружьями на перевѣсъ. Мойше тоже бросился съ ними. Онъ видѣлъ, какъ бѣгущій впереди него солдатъ остановился, схватилъ ружье на руку и съ размаха всадилъ штыкъ въ набѣжавшаго на него австрійскаго солдата въ сѣро-синей курткѣ съ зелеными петлицами. И тотчасъ же Мойше увидалъ бѣгущаго на него такого же другого солдата.

Мойше тоже перехватилъ ружье на руку и всадилъ штыкъ въ грудь врага. Тотъ выронилъ ружье и упалъ на колѣни. Сѣрое кепи свалилось у него съ головы. Мойше увидалъ передъ собою широко раскрытые, полные предсмертнаго ужаса глаза и знакомыя черты типичнаго еврейскаго лица. А изъ полураскрытыхъ устъ этого человѣка вырвалось съ дикимъ стономъ:

— Бьодхо авкидь рухи!... (прими душу мою...)

Съ глазъ Мойше точно сорвали повязку. Онъ вдругъ понялъ, что убилъ такого же какъ онъ, еврея.

«Бьодхо авкидь рухи!»—громомъ грянуло со всѣхъ сторонъ тысячами голосовъ и заглушило грохотъ снарядовъ.

И объятый ужасомъ Мойше выронилъ ружье и бросился назадъ такъ же крича:

— Бьодхо авкидь рухи! Бьодхо авкидь рухи!...

Напрасно старались вернуть Мойше сознаніе дѣйствительности въ томъ резервѣ, на который онъ наткнулся въ своемъ бѣгѣ. Онъ падалъ на колѣни и твердилъ только одни слова:

— Бьодхо авкидь рухи!..

Ихъ же твердить онъ и сейчасъ, сидя въ госпиталѣ, въ палатѣ для душевно-больныхъ.

Сер. Глаголь.

